

RU

Культурно-исторический хронотоп в дискурсе Д. И. Стахеева

Пупышева Е. Л.

Аннотация. Цель исследования - выявить индивидуально-авторское своеобразие изображения культурно-исторического хронотопа в дискурсе Д. И. Стахеева (на материале путевого очерка «За Байкалом и на Амуре») и языковых средств его выражения. В статье дано комплексное описание хронотопа с его базовым компонентом «дорога», позволяющее панорамно показать реальный пространственно-временной континуум событий и фактов, непосредственным свидетелем которых был сам автор. Научная новизна исследования состоит в том, что в нём впервые рассмотрено творчество самобытного писателя второй половины XIX века с точки зрения репрезентации в нём текстовых фрагментов, связанных с многообразием национальных культур народов Дальнего Востока и экономическими событиями описываемого периода. В результате исследования были выявлены структура и содержание культурно-исторического хронотопа в контексте идейно-смыслового содержания путевого очерка; определены основные группы текстовых фрагментов, содержащих данную информацию; отмечены характерные языковые особенности, в частности топонимы и диалектные слова и выражения, способствующие созданию исторического и речевого колорита того периода.

EN

Cultural-Historical Chronotope in D. I. Stakheyev's Discourse

Pupysheva E. L.

Abstract. The research objectives are as follows: to reveal the specificity of cultural-historical chronotope in D. I. Stakheyev's discourse by the material of the travelling essay "Behind Baikal and on the Amur River", to identify the appropriate linguistic means. The paper provides a comprehensive analysis of D. I. Stakheyev's chronotope with its basic component "road". The road chronotope allows the narrator to create an accurate representation of the spatial-temporal events he witnessed. Scientific originality of the study lies in the fact that creative work of the distinctive XIX-century writer is for the first time analyzed from the viewpoint of representation of the Far Eastern cultures and economic events of the mentioned period. The research findings are as follows: the author reveals the structure and content of the cultural-historical chronotope taking into account the peculiarities of the travelling essay genre, identifies text fragments containing spatial-temporal information, singles out lexical expressive means (toponyms, dialectal words) contributing to historical colour formation.

Введение

Актуальность исследования определяется особой ролью хронотопа в структуре художественного дискурса и его лингвокогнитивном выражении.

Само понятие хронотопа, введенное М. М. Бахтиным (1975b), является полифункциональным и предполагает «существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений», имеет жанровое и сюжетобразующее значение.

Наше внимание сфокусировано на изображении культурно-исторического хронотопа в произведениях малоизвестного для широкой публики писателя Д. И. Стахеева. Рассматриваемое произведение «За Байкалом и на Амуре», написанное в жанре путевого очерка, позволяет выявить особенности хронотопа в аспекте выражения историко-культурной информации. Следует отметить, что, несмотря на фундаментальные работы в этом направлении, ни в одной из них не представлен детальный анализ хронотопа данного типа в лингвокультурологическом аспекте. Реализации этой цели способствовало решение следующих задач: 1) описать сущность, структуру и признаки историко-культурного хронотопа; 2) выявить и классифицировать текстовые фрагменты, содержащие историческую информацию; 3) охарактеризовать языковые особенности, включая топонимы, как своеобразные маркеры выражения региональной материальной и духовной культуры.

Основными методами исследования являются культурно-исторический и метод целостного анализа художественного произведения.

В нашей статье особенности культурно-исторического хронотопа рассматриваются преимущественно с опорой на основополагающие положения, определенные в трудах М. М. Бахтина (1975а), Ю. М. Лотмана (1988). В них определены методологические основы хронотопа как текстовой категории художественного дискурса в пространственно-временных координатах. Опираясь на работы Г. Н. Слепухова (1979), С. Н. Иконниковой (2005), А. Б. Тимерболат (2012, с. 7-8) и других ученых, мы можем говорить о хронотопе как о своеобразном историческом (культурологическом) коде, в котором особым образом отражаются общественные идеалы эпохи, мир писателя, взаимосвязь с окружающим миром.

Актуальными для нашего исследования являются: работа Н. С. Болотновой (2007) в которой дан анализ языковых средств выражения текстовых категорий времени и пространства, а также материалы диссертации И. И. Меркуловой (2007), в которой хронотоп дороги рассматривается в контексте концептуальной части художественного мира русской прозы 30-40-х гг. XIX века. Специфика культурно-исторического хронотопа в романе П. Басинского и языковые средства его репрезентации, в частности топонимы и антропонимы, представлены в статье Е. Л. Пупышевой, Е. М. Матвеевой (2016).

Практическая значимость нашей работы заключается в возможности использования ее результатов при изучении дисциплины «Филологический анализ», на спецкурсах и семинарах, посвященных языку художественной литературы, в вузах гуманитарного профиля, в том числе по направлению 44.03.05 Педагогическое образование с двумя профилями подготовки (русский язык и литература).

Основная часть

Вторая половина XIX века – время расцвета художественной публицистики. В этот период, как отмечает О. Н. Хайруллина (2001), очерк становится одним из ведущих жанров, в котором идет активное художественное освоение темы русского народа, мигрирующего на Дальний Восток в поисках лучшей жизни. Путевой очерк «За Байкалом и на Амуре», опубликованный в 1869 году, основан на реальных воспоминаниях Д. И. Стахеева. В нем автор рассказывает о своем путешествии по Забайкалью и Дальнему Востоку. Сочетание художественности (лирические отступления, описание «с природы») и документализма (этнографический материал, статистические данные) является характерной особенностью данного произведения. Все это позволяет писателю воссоздать панорамное изображение исторических событий экономического освоения Российской империей большой и удаленной территории.

Культурно-исторический хронотоп в контексте анализируемого путевого очерка представляет собой полевую структуру, ядром которой, несомненно, являются категории времени и пространства как составляющие архитектоники произведения. Этот пространственно-временной континуум, структурным компонентом которого является хронотоп *дороги*, позволяет Д. И. Стахееву описать географические особенности Дальневосточного края, традиции и обычаи разных народов, а, следовательно, стать источником отражения конкретных исторических событий. Безусловно, все языковые средства являются своеобразными маркерами выражения культурно-исторической информации.

В произведении Д. И. Стахеева хронотоп *дороги* представлен как перечень фактов и событий, которые происходят с автором во время его коммерческого путешествия в Забайкалье. Среди них можно выделить следующие.

Во-первых, описание ландшафта и географических объектов с характеристикой точного месторасположения, геодезических данных в научном стиле, с одной стороны, и стиле художественного изображения, с другой. Подтверждением этому служит описание самого большого острова Ольхон на Байкале, где проживают буряты. Вначале дается точная характеристика этого места: «Он имеет до 60 верст длины и до 12 ширины. Живущих на нем бурят, по рассказам, есть до 1000 семей; занимаются они рыбной ловлей, звероловством и имеют значительное скотоводство» (Стахеев, 1869, с. 1). Далее путешественник, используя эпитеты, цветовую лексику, метафорические олицетворения, показывает красоту окружающей природы: «Я никогда не бывал на этом острове, но по описаниям бывших на нем, – вид его чрезвычайно красив, и красота эта дикая, печальная и однообразная. Голые скалы торчат из-под вод Байкала, на них гнездится серый орел, хищник бурятских овец; в полях кочуют буряты; по камням лениво ползает бескрылая зеленая стрекоза; чайки и гагары одиноко сидят по утесам над своими гнездами, выжидая добычи из моря» (с. 2).

Флористическая лексика дает читателю представление о природном богатстве: «По бокам гор и на их выпуклых вершинах, называемых по-сибирски подушками, густо растут громадная лиственница и сосна; посреди елей, пихт и берез стройно возвышается бальзамический тополь; по течению речек, извиваясь вместе с ними и сбегая с гор, темнеют кусты черной смородины; всего же красивее и больше из породы мелких кустарников можно встретить даурийский рододендрон, сибирский багульник; в половине мая целый берег покрывается его красивым темно-розовым цветом» (с. 11).

Во-вторых, описание повседневной жизни проживающих в Сибири народов. Изображаются традиции и жизненный уклад коренного населения, например, бурят и тунгусов («Очерки бурятской жизни»), китайцев, занимающихся торговлей чаем («Майматчин»), русских переселенцев. Рассказывая о тунгусах, автор описывает: а) место жительства: «На северной стороне Байкала часто кочуют тунгусы в маленьких берестяных юртах» (с. 10); б) словесный портрет: «Они вообще ловчее, статнее и красивее бурят, не имеют так сильно

сплюснутых и угловатых форм лица, какие постоянно встречаются у бурят; есть между ними белокурые и часто, между молодыми женщинами и девушками, встречаются приятные беленькие личики, голубые глазки; многие из тунгусок стройны, веселы и живы, точно сибирские козы» (с. 10); в) поведение на охоте: «...во время погони за зверем, с лица тунгуса исчезает все напоминающее о человеке, – глаза горят злобой, на губах накапливается слюна, и только винтовка или нож в руке его напоминает о том, что он человек» (с. 10); г) кочевой образ жизни: «Они подвергаются всевозможным лишениям, часто скитаются по нескольку дней без пищи» (с. 10).

В описании одежды бурят повествователь обращает внимание на дорогую ткань яркого цвета, богатые украшения: «Одежда женщин, в праздничные дни, состоит из парчи ярких цветов, употребляемой у нас в церквах, а также и из шелковых материй; шапки их из бобров и соболей; на груди повешены русские серебряные монеты, в ушах серьги, унизанные в несколько рядов маржаною; на голове тоже украшения, сделанные из маржана, вроде диадемы; на руках большие серебряные браслеты; сапоги шелковые, вроде китайских, с толстыми подошвами» (с. 44).

Вот как он характеризует молокан, высланных из Таврической губернии для проживания на Амур: «Народ они весьма трудолюбивый и честный, бедных между ними нет, а о сборе милостыни между ними и не слышно...» (с. 72).

В главе «Майматчин» читатель узнает о быте и особенностях менталитета китайцев. Здесь и описание внешности, одежды, праздников, вероисповедания, особенностей семейного уклада (почитание старших), организации торговли, взаимоотношений с русскими купцами.

В-третьих, даны статистические данные о количестве населения, объемах добываемой пушнины, ценах на чай, проезд и другие товары. Например: «Народонаселение Забайкальской области 355 000 д. Пространство ее (в квадратных мил.) 10 905. Следовательно, на квадратную милю приходится всего по 32 души. Что ж! И эта цифра еще почтенная, тем более, что на квадратную милю в Сибири вообще приходится только около 16 душ» (с. 11).

В-четвертых, лирические отступления, в которых автор размышляет:

- об особенностях национального менталитета: «Китайская жизнь во всех отношениях одинакова. Сложившись раз навсегда в известные формы, она в них и остается, и никто не изъявляет желания на перемену, не изъявляет потому, что не видит и не слышит о другой жизни» (с. 56);

- о причинах плохого транспортного сообщения между населенными пунктами: «Неуменье вести паровое дело происходит, всего скорее, от того, что владельцы пароходов часто сменяют один другого, а при новом владельце нанимаются новые служащие» (с. 4);

- о бедственном положении переселенцев: «Да что, не дородная (не хорошая) сторона!» (ответ старика на вопрос автора) (с. 85);

- о работе представителей государственной власти на местах. Чаще всего в этом он видит безалаберность чиновников и их стремление обогатиться, создать видимость действий (потёмкинские деревни): «...что для города Благовещенска старались найти по всему Амуру худшее место и хуже того, на котором он построен, найти трудно; ...но тем не менее нельзя догадаться о причинах, руководивших в этом случае основателями города» (с. 85). Таможню в Кяхте он метафорически называет памятником беззакония: «Сколько тут нажилось директоров, давно окончивших уже свое земное странствие...» (с. 25);

- об особенностях взаимоотношений с китайским правительством: «Китайское правительство вообще туго поддается на сближение с европейцами, хотя и прикрывает свое нежелание полным согласием и даже как будто радостью; а между тем спешит тайно разослать самые строжайшие приказания не иметь с европейцами никакого дела» (с. 72).

В-пятых, сельское хозяйство: «Оседлой жизни на этих местах нет, земля для хлебопашества не обрабатывается, потому что местность для этого большею частью неудобна: камениста, болотиста или песчана; если есть кое-где часть земли, более или менее годная для посева хлебов, то сильные ветра препятствуют этому, выдувая из земли посеянные зерна» (с. 9).

В-шестых, русско-китайские торговые отношения. В начале главы «Майматчин» автор дает историческую справку о том, как началась торговля чаем между Россией и Китаем, начиная с XVIII в.: «В 1727 году приезжает на границу России и Китая уполномоченный от русского правительства граф Савва Владиславич Рагузинский и с того времени начинается (с русской стороны) основание г. Троицко-Савска и торговой слободы Кяхты, а со стороны китайцев города Майматчина» (с. 49). Стахеев в деталях описывает весь процесс торговли, все ухищрения и ловки купцов, занимающихся продажей чая, обман на таможне, метко называя все это «торговлей мертвыми душами». Подтверждением этому служит совет одного купца: «Меняйте чай на серебро, привезенное контрабандой, а пишите таможне-матушке, что вот мол, так и так, променял на сукна, оставшиеся от ввоза тогда-то, за № таким-то, – триста штук сукна, а получил, дескать, шестьсот ящиков чаю...» (с. 29).

И наконец, зарисовки с натуры, случайные встречи с местными жителями, поселенцами и переселенцами. Это и отставной солдат – служащий гостиницы, старик крестьянин из Посольского селения, работники таможни, земляки-вятичи, купцы, амурские казаки.

Речевая характеристика делает их образы колоритными и запоминающимися. Описывая встречу с земляками-вятичами, он вводит слова и выражения местного говора, характерного для сельского жителя: *вячкой (вятский), арженой (о хлебе), энарал (генерал), мотри*. В сказе местного старожила о переправе через о. Байкал пояснено, почему озеро Байкал называют Святым (оно не погубило ни одной христианской души) (с. 14).

В процессе путешествия повествователь колоритно воспроизводит местные диалекты, которых в составе данного произведения выявлено в количестве 42 примеров: *рысак, варнак (беглый каторжник); голометь (бездорожье поздней весной); толкунцы (большие волны на море); названия направления ветра: култук (SW – северо-западный ветер), баргузин (O – восточный ветер), верховик (NO – северо-восточный ветер)* (с. 13).

Ономастическое пространство произведения также является репрезентантом исторической информации. Специфика употребления онимов состоит в том, что в путевых картинах встречаются единичные вкрапления антропонимов, когда речь идет о конкретной и известной личности, например: *Савва Владиславич Рагузинский*.

Топонимы оказываются более «содержательными» в плане фактической информации, поскольку издавна существовала традиция «привязать» название места к какому-либо лицу или событию. Поэтому за каждым из географических названий стоит история, традиция, жизненный уклад нации, авторские впечатления. Так, описывая Читу, Стахеев пишет: «*Самый город представляется мне теперь какой-то необыкновенной массой песку, – песок везде: при въезде, внутри города, в квартирах и при выезде – все песок, и поэтому Читу справедливо называют песчаным городом*» (с. 65).

Выявленные топонимы (103 примера) представлены следующими тематическими группами: 1) хоронимы: *Восточная Сибирь, Забайкалье*; 2) гидронимы: *Байкал, Селенга, Ангара*; 3) астионимы – названия городов *Иркутск, Култук, Благовещенск, Кяхта*; 4) оронимы – наименования объектов рельефа местности: гор, хребтов, холмов: *горы Лиственничные, остров Ольхон*; 5) ойконимы – наименования населенных пунктов: *село Чертовкино, деревня Шигаево, село Усть-Кяхта*; 6) урбонимы, обозначающие собственное имя любого внутригородского топографического объекта: *Долина Воровская Поди, Торговая слобода*.

Топонимы служат, во-первых, для создания географического пространства путевого очерка конкретной региональной реалии – Дальнего Востока. Во-вторых, для изображения экономической деятельности купцов, в частности, того, где начались торговые отношения с Китаем: «*Первые торговые сделки русских с китайцами производились периодически: к декабрю месяцу в Маймайтчин китайцами и в Кяхту русскими привозились чаи и товары, начинался обмен, и к январю дело оканчивалось, не возобновляясь до зимы следующего года*» (с. 49).

С другой стороны, топонимы выступают в качестве языковых маркеров при изображении национальных обрядов и ритуалов. Например, описание Стахеевым местной достопримечательности – Шаманского камня: «*Название это присвоено камню потому, что, по верованию бурят, на нем обитают онгоны – небесные духи, с которыми имеют непосредственные сношения шаманы, особого рода предсказатели-духовидцы... Священное значение Шаманского камня в быту бурят до того велико, что они нередко приезжают из-за 300-400 верст к этому таинственному месту, чтоб заставить своего собрата, в чем-либо обвиняемого, торжественно произнести на этом месте свое отрицание от преступления*» (с. 5).

Употребление топонимов в контексте выявленных и рассмотренных ниже лексико-семантических групп (126 примеров) позволяет автору сделать повествование-путешествие динамичным и конкретным, соединить временные координаты (прошедшее и настоящее время): сочетание существительных с глаголами (*протиралась далеко на север, привозятся от Байкала, пробрался из Якутска*); сочетание существительных (онимов) с предлогами (*до моря Бей-хай, от речки Бугульдеихи к устью р. Селенги, от пристани Чертовкиной к Посольску*); сочетание существительных с указательными и определительными местоимениями (*за этим морем, на месте этого озера, со всех сторон*); количественно-именные сочетания с существительными-онимами (*в 65 верстах от гор. Иркутска; в верстах 25-30 от р. Селенги, в 70 верст. от Кяхты*).

Таким образом, становится очевидно, что анализ культурно-исторического хронотопа существенно раздвигает границы восприятия, интерпретации художественного произведения в триаде «время – событие – история», позволяя правильно понять творческий замысел автора, своеобразие языковых единиц, служащих его реализации.

Заключение

В результате исследования нами была проанализирована модель культурно-исторического хронотопа, выявлены его структура и содержание в произведении Д. И. Стахеева «За Байкалом и на Амуре». Отмечена его непосредственная связь со стержневым компонентом – хронотопом *дороги* – и пространственно-временным континуумом Дальнего Востока. Выявлены основные группы текстовых фрагментов, содержащих культурно-историческую фактологическую информацию, дан комплексный анализ ономастического пространства (тематические группы топонимов) и других языковых средств.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении культурно-исторического хронотопа в сравнительно-сопоставительном аспекте таких произведений писателя, как «*Благовещенск в 1862-1863 годах*», «*Прибайкальская жизнь*», «*От Китая до Москвы*».

Источники | References

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975а.
2. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике. 1975b. URL: http://www.chronos.msu.ru/old/RREPORTS/bakhtin_hronotop/hronotop10.html
3. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. М.: Флинта: Наука, 2007.
4. Иконникова С. Н. История культурологических теорий: учебное пособие. СПб.: Питер, 2005.
5. Лотман Ю. М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю. М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М.: Просвещение, 1988.
6. Меркулова И. И. Хронотоп дороги в русской прозе 1830-1840-х годов: автореф. дисс. ... к. филол. н. Самара, 2007.

7. Пупышева Е. Л., Матвеева Е. М. Культурно-исторический хронотоп в романе Павла Басинского «Полуденный бес, или Жизнь и приключения Джона Половинкина» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (58). Ч. 3.
8. Слепухов Г. Н. Художественное пространство и время как объект философско-эстетического анализа: автореф. дисс. ... к. филос. н. М., 1979.
9. Стахеев Д. И. За Байкалом и на Амуре. Путевые картины. 1869. URL: https://bookscafe.net/read/staheev_dmitriy-za_baykaalom_i_na_amure_putevye_kartiny-245342.html#p1
10. Темирболат А. Б. Категория хронотопа в свете современных научных концепций литературоведения // Филологические науки в России и за рубежом: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, 2012 г.). СПб.: Реноме, 2012.
11. Хайрулина О. Н. Очерк второй половины XIX века: жанрово-стилевая характеристика: на материале очерков о российском Дальнем Востоке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Владивосток, 2001.

Информация об авторах | Author information

Пупышева Евгения Леонидовна¹, к. пед. н., доц.

¹ Елабужский институт Казанского федерального университета

Pupysheva Evgeniya Leonidovna¹, PhD

¹ Yelabuga Institute of Kazan (Volga region) Federal University

¹ evpupysheva@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 11.11.2021; опубликовано (published): 28.12.2021.

Ключевые слова (keywords): культурно-исторический хронотоп; хронотоп дороги; Д. И. Стахеев; топонимы; путевой очерк; cultural-historical chronotope; road chronotope; D. I. Stakheyev; toponyms; travelling essay.